

Культура народов Арктики и Севера/ Culturology

УДК 323.1+314.9+911.53

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.118

Этнокультурный ландшафт Российской Арктики: от концептуализации знаний к управлению конфликтами¹

© **Лукин** Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Арктика и Север». Автор монографий: «Новая Архангельская летопись» (2015, 2-е изд.) «Российская Арктика в изменяющемся мире» (2013), «Великий передел Арктики» (2010); «Глобальный социум самоуправляемых общин» (2006), учебника для вузов с грифом УМО «Конфликтология: управление конфликтами» (2007). E-mail: lukin.yury@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на междисциплинарный анализ концептуальных основ и современной ситуации этнокультурного ландшафта Российской Арктики, выявление проблем управления конфликтным взаимодействием в сфере социально-этнических отношений. Автором разработана технологическая модель перехода от концептуализации знаний к управлению конфликтами. Проанализирована деятельность по проведению Арктического этнологического мониторинга в РФ, предложен авторский перечень из семи предметных направлений для формирования баз данных. Безусловно, что нужно продолжать работу на законодательном уровне по защите прав КМНС. Однако ключевой проблемой становится обеспечение баланса между патернализмом государства по сохранению традиционных культур коренных народов и внедрением современных технологий, ростом инвестиций в накопление человеческого капитала. Актуально обеспечение социальной сплочённости, выделение квот в ведущих отраслях современной экономики для коренных народов Севера. Назрела потребность перехода к зелёной экономике в Арктике, что очень близко традиционной культуре северян, их мировосприятию.

Ключевые слова: Арктика и Север, операциональные определения, моделирование, этнокультурный ландшафт, коренные народы, язык, Арктический этнологический мониторинг, этническая напряжённость, управление конфликтами, зелёная экономика

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»

Ethno-cultural landscape of the Russian Arctic: from the conceptualization of knowledge to the management of conflicts

© **Yury F. Lukin**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-chief "Arctic and North" journal. The author of books: "New Archangelsk Chronicle" (2015, 2nd ed.), "Russian Arctic in a Changing World" (2013, 2012), "The Great repartition of the Arctic" (2010); "The global socium of self-governing communities" (2006), a textbook for high schools "Conflictology: Conflict Management" (2007). E-mail: lukin.yury@mail.ru

Abstract. The article focuses on a multidisciplinary analysis of the conceptual framework and the current situation of ethnic and cultural landscape of the Russian Arctic and reveals the problems of management of conflict interaction in social and ethnic relations. The author developed and discussed a technological model in order to move from the conceptualization of knowledge to the conflict management. The author analyzed Arctic ethnological monitoring activities in Russia and proposed a list of seven subject areas to form databases. Undoubtedly, the need to continue this work on the legislative level emerges to protect the rights of indigenous peoples. However, a key challenge is to ensure a balance between paternalism of the state aimed at preserving the indigenous cultures and increasing investment in human capital and the introduction of modern technologies. Social cohesion and the allocation of quotas for indigenous peoples of the North in the leading sectors of the modern economy are relevant for today. A need of transition to green economics in the Arctic, close to the traditional culture of northerners and their worldview is extremely important as well.

Keywords: *Arctic and North, operational definitions, modeling, ethno-cultural landscape, indigenous people, language, Arctic ethnological monitoring, ethnic tensions, management of conflicts, green economics*

Концептуализация знаний в арктиковедении с использованием операциональных определений и других технологий

На самом первом этапе любого исследования методологически значимым, особенно при работе в проектной междисциплинарной команде, становится применение *операциональных определений* (operational definition). По мнению Э. Деминга (William Edwards Deming, 1900—1993), operational definition дают возможность передачи однозначного смысла с помощью понятий. «Операциональное определение позволяет облечь понятие в определенную форму, ясную всем» [1, гл. 9]. Operational definition не допускают двусмысленности, более того они включают критерии для принятия решений. Их можно использовать как в теории, так и в практике управления. Возникает потребность в уточнении основных концептов

(понятий, терминов) и в арктиковедении, что имеет практическую значимость и позволяет специалистам, менеджерам лучше ориентироваться в теоретической проблематике, адекватно понимать и системно воспроизводить используемую научную лексику.

Концептуализация знаний, имеющих отношение к Российской Арктике, осуществляется методологически на основе поэтапной технологии «step by step», где каждый шаг связан с определённым системным блоком (стадией) решаемых задач в динамической последовательности определённого процесса: концептуализация знаний и моделирование; арктический этнологический мониторинг; разработка этнополитики, стратегии менеджмента; локальная реализация поставленных задач, конкретных мероприятий в 4 субъектах и 16 муниципальных образованиях сухопутных территорий АЗРФ, обобщение опыта и внедрение лучших практик. А затем обратная связь с целью коррекции, возможно на каждом из всех предыдущих этапов или только изменения в стратегическом менеджменте, этнополитике, законодательстве и правоприменительной деятельности (рис.1).

Рисунок 1. Технологическая модель перехода от концептуализации знаний к менеджменту/ Ю.Ф. Лукин

Схематично такую технологическую модель можно изобразить как непрерывный диалектический процесс развития от теории к практике, где на каждой стадии возможна и желательна своя операционная последовательность и динамика по времени реализуемых мероприятий, использованию тех или иных технологий как на концептуально-теоретическом уровне, так и в практической деятельности по управлению регионами.

Не вызывает сомнений, что для решения поставленных исследованием задач необходим междисциплинарный, многоуровневый подход, синтез теории и практики, предопределённый особенностями *гуманитарного и социального знания*. Любой человек с его эго, особенно в суровых условиях Арктики и Севера, не может существовать вне социума. Этническое начало при этом находит своё отражение как в социальном, так и в культурном измерениях. Поэтому при изучении проблематики этнической напряжённости используются концепты как этнокультурного, так и этносоциального контента. Фокус всей проводимой рабо-

ты, арктический этнологический мониторинг должны быть направлены не только на исследование социальной сферы жизнедеятельности в регионах, что безусловно важно, но и на конфликтное этническое взаимодействие в сфере культуры с учётом особенностей жизнедеятельности коренных народов Севера. Желательно уточнение гипотезы о том, что более значимой в Арктике и на Севере является социальная, а не культурная напряжённость в этнических отношениях, гражданская, а не этническая идентичность. В формировании протестного потенциала чаще преобладают социальные мотивы, принимая политическую и реже национальную окраску, как в Украине. Возможно ли такое в Российской Арктике — на этот вопрос ещё предстоит найти обоснованные ответы при проведении этнологического мониторинга, анализе его результатов и имеющихся баз знаний.

В междисциплинарном анализе межэтнических отношений в Арктике с позиций психологии целесообразно осуществить переход *от изучения отдельных конфликтов к анализу межэтнической напряжённости как феноменологического психологического поля*, а этнических групп как напряжённых этносоциальных систем. Это позволяет приблизиться к разработке конструктивной содержательно-динамической модели диагностики состояния межэтнических отношений и прогнозирования их развития [2]. При этом изучаются не только сами конфликтные ситуации, но и возможности позитивного потенциала межэтнических отношений, сохранения и развития этнической толерантности в северных социумах. Заметную роль в профилактике межличностных, межэтнических отношений в Арктике несомненно играют также *психолого-коммуникативные технологии* предупреждения конфликтов: сбалансированность социально-психологического взаимодействия этносов, сохранение репутации партнёра, исключение социальной и этнической дискриминации, разделение заслуг, согласие, эмпатия и другие известные в конфликтологии, психологии, социологии методы и техники. По моим наблюдениям, на практике чаще всего используются апробированные технологии проведения социологических исследований и реже более трудные, личностные методы, используемые в конфликтологии, психологии.

Проблема практического плана очевидно заключается ещё и в том, чтобы использовать имеющиеся технологии, эффективные методики и индикаторы разных научных дисциплин в нужное время и в нужном месте. Организационно здесь речь идёт не только о формальной научной интеграции теоретических знаний, но и о менеджменте, формировании проектных исследовательских команд на междисциплинарной основе, финансировании работ, проводимых по единой дорожной карте.

В концептуальном отношении, кроме того, как уже отмечалось выше, очень важно уточнить отдельные, в ряде случаев, спорные понятия, в том числе о глобальном и региональном измерениях Арктики и Севера, чтобы выйти на уровень *operational definition* для понимания друг друга. Постановка вопроса *о глобальном и региональном измерении Арктики и Севера* необходима, например, здесь и сейчас для адекватного определения объекта и предмета исследования, так как в настоящее время в научной среде отсутствует общепринятое толкование даже основополагающих концептов «Арктика» и «Российская Арктика». Арктику как многоплановый объект исследуют специалисты самых разных научных дисциплин и поэтому практически невозможно однозначно выразить концептуально всю полифоничность большого арктического пространства. В арктиковедении чаще всего реализуются подходы преимущественно с позиций той или иной узкой научной специализации авторов, что всегда подобно однобокому флюсу в познании сложного объекта.

В *глобальном измерении* непосредственное отношение к Арктике имеют восемь приарктических стран (АС-8): Дания (Гренландия), Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Швеция, Финляндия, обладающих северными территориями за Полярным кругом. Пять из них (Дания, Канада, Норвегия, Россия, США) на основе UNCLOS владеют дополнительно к суше территориальными водами в акватории СЛО. При этом в мире вообще нет ни одной северной страны, которая всей своей территорией и акваторией входила бы полностью в состав циркумполярной зоны. Называя указанные восемь северных стран «приарктическими», а не «арктическими», мы тем самым подчёркиваем эту важную геополитическую особенность.

Региональное измерение учитывает население и территорию только тех арктических губерний, штатов, областей, краёв, провинций, муниципальных образований, которые находятся непосредственно за Полярным кругом. В связи с тем, что понятие «регион» трактуется в регионологии далеко не однозначно, представляется возможным взять в качестве рабочего инструмента следующую его трактовку и типологию. Регион рассматривается в данной статье как некая реально существующая в XXI веке данность: ландшафтно-географическое, административно-территориальное, культурное и социально-экономическое пространство, имеющее природно-климатические и другие отличия от соседних регионов.

В официальных документах США используются концепты «National Strategy for the Arctic Region», «Arctic Strategy USA»². Арктика употребляется в широком смысле данного понятия.

² NATIONAL STRATEGY FOR THE ARCTIC REGION. May 10, 2013. Arctic Strategy USA. November 2013. URL: ipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2013/05/20130510147232.html#axzz3sCzoAfDf; <http://www.cfr.org/arctic/department-defense-arctic-strategy/p31929> (дата обращения: 19.11.2015).

В стратегии Финляндии «Finland's Strategy for the Arctic Region 2013», принятой 23 августа 2013 года, применяется концепт «арктический регион»³.

В России принято на практике отождествлять регион с субъектом федерации. Типология же современных регионов РФ включает три основные модели. *Микрорегионы* — муниципальные образования, самоуправляемые общины, межмуниципальные объединения, агломерации. *Мезорегионы* — 85 субъектов РФ, следовательно и 85 регионов разного масштаба: 22 республики, 9 краёв, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа. Из них четыре субъекта РФ полностью и три частично входят в состав арктического макрорегиона (АЗРФ). *Макрорегионы* — девять федеральных округов, четыре зоны — Западная, Восточная, Арктическая (Север), Юг России.

Касаясь *соотношения понятий «Арктика» и «Север»* необходимо заметить, что для канадцев, например, понятие «Север Канады» шире понятия «Канадская Арктика» и географически включает в себя некоторые земли южнее Полярного круга (Нунавут, Юкон). Не случайно стратегия Канады была опубликована под названием «Canada's Northern Strategy: our North, our heritage, our future» (Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее)⁴. Север традиционно рассматривается как неотъемлемая часть канадской идентичности, а «северность» (Nordicité) как особый образ жизни. В отличие от Канады, в стратегии Дании понятие «Север» фактически не используется. «Kongeriget Danmarks Strategi for Arktis 2011—2020» направлена на благо жителей Арктики, включая уважение прав коренных народов на использование собственных ресурсов и развитие на этой основе, уважение самобытной культуры, традиций и образа жизни, продвижение их прав⁵.

Российская Арктика (РА), Арктическая зона РФ (АЗРФ) — это идентичные понятия, которые обычно воспринимаются как часть Севера России, включающего АЗРФ в себя по принципу матрёшки. Понятие «Север» при этом геополитически соотносится с теллурацией, то есть сухопутным могуществом, связано с освоением материковых пространств Евразии. В АЗРФ по указу Президента РФ входят северные территории пока только суши (Приложение к Указу Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296). Коренное (радикальное) различие между РА и АЗРФ по состоянию на сегодняшний день заключается в том, что концепт «Россий-

³ Finland's Strategy for the Arctic Region 2013. Government resolution on 23 August 2013. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/document-archive/category/12-arctic-strategies> (дата обращения: 25.06.2015)

⁴ Canada's Northern Strategy: our North, our heritage, our future. Ottawa, 2009. URL: http://web.law.columbia.edu/sites/default/files/microsites/climate-change/files/Arctic-Resources/ArcticCouncil/01_Canadas%20northern%20strategy.pdf (дата обращения: 26.06.2015).

⁵ Kongeriget Danmarks Strategi for Arktis 2011—2020. URL: http://canada.um.dk/da/~media/Canada/Documents/Other/Arktis_Rapport_DA.pdf (дата обращения: 02.09.2015).

ская Арктика» включает, кроме суши, акватории морей СЛО и акваторию Северного морского пути, на которые в соответствии с международным правом распространяется юрисдикция российского государства. Федеральный же закон, определяющий легитимные границы АЗРФ, не принят до настоящего времени (ноябрь 2015). С учётом сказанного, по моему мнению, можно сформулировать такое определение АЗРФ, которое будет полностью соотноситься в правовом поле с Российской Арктикой (что очень важно концептуально и практически):

«Арктическая зона Российской Федерации» — внутренние морские территориальные воды, исключительные экономические зоны акваторий Баренцева, Белого, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей, континентальный шельф, определяемый в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, акватория Северного морского пути как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации, все как открытые здесь, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, сухопутные северные территории субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на побережье северных морей, имеющих выходы к акватории Северного Ледовитого океана, обеспечивающие безопасность российского государства» / Лукин Ю.Ф.

Территориальные внутренние морские воды (12 морских миль), исключительные экономические зоны (200 морских миль), континентальный шельф (350 морских миль) — это термины международного права, UNCLOS. Их употребление в ФЗ «Об АЗРФ» вполне коррелируется с международной правоприменительной практикой.

«Акватория СМП» употребляется в законе от 28.07.2012 N 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». Понятие национальной акватории СМП очень важно упомянуть в новом ФЗ «О развитии АЗРФ», чтобы противостоять попыткам интернационализации арктических коммуникаций, имея в виду Северный морской путь.

Тезис «все как открытые здесь, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане» приводится по Постановлению Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Изменения климата могут способствовать появлению новых островов, что позволит увеличить полярные владения РФ. Необходимо учитывать, что в Мировом океане идёт борьба даже за самые небольшие скалы. При формировании и легитимном уточнении состава АЗРФ, учитывая геополитическую, общественную и экологическую значимость проблемы, обеспечение безопасности российского государства, необходимо сделать достоянием всего общества и опубликовать полный перечень всех российских островов в морях СЛО в рамках подзаконного акта «Государственный реестр российских островов в морях Северного Ледовитого океана», в котором указать фактический статус каждого арктического острова, его ведомственную принадлежность и конкретную ответственную организацию, осуществляющую здесь владение, управление, охрану окружающей среды островной территории и акватории.

Таким образом, внутри каждой приарктической страны (АС-8) имеются свои циркумполярные территории Заполярья, высоких широт. Естественно, что Чукотский автономный округ или губерния Финнмарк, как части России и Норвегии, выполняя роль акторов на региональном уровне, объективно не имеют той международной значимости в геополитике как сами

эти приарктические государства. И здесь возникает перманентная конфликтная коллизия — столкновение различных интересов, имеющих отношение к стремлению северных региональных социумов выступать в качестве политических акторов, отстаивая права коренных народов на ресурсы территорий своего проживания. Исследование данной проблематики безусловно требует анализа существующего этнокультурного ландшафта.

***Этнокультурный ландшафт Российской Арктики в свете глобальных трендов
исчезновения традиционных культур и языков***

Ландшафтно-географическая среда, природа, флора и фауна, земля и вода, общность территории, имеющиеся ресурсы всегда играли и играют важную роль в развитии северных этносов. В структуру ландшафта Арктики специалисты обычно включают и антропогенное развитие арктических ландшафтов, культурные ландшафты, памятники истории и культуры вместе с ландшафтным окружением [3]. Для данной статьи имеет значимость, прежде всего, культурное и социальное измерения этнокультурного ландшафта Российской Арктики. Ключевыми социокультурными доминантами, на мой взгляд, является анализ динамики населения, его этнического состава, а также современные проблемы языкового разнообразия.

Очеловеченный ландшафт Российской Арктики включает этническое, мультикультурное, социально-экономическое пространство с населением в 2,5 млн человек (2012).

Таблица 1

Население Арктики, тыс. чел. (2012)

№	Государства	Арктические регионы, провинции	Население
1	Россия	Мурманская область	796,1
		Архангельская область: МО в Беломорье, острова в СЛО	661,8
		Ненецкий автономный округ	42,6
		Республика Карелия: три МО на побережье Белого моря	51,6
		Республика Коми: городской округ Воркута	95,8
		Ямало-Ненецкий автономный округ	522,8
		Красноярский край: Таймырский МР, Норильск, Игарка	216,8
		Республика Саха (Якутия) – 11 улусов	64,7
		Чукотский автономный округ	50,5
		<i>Итого в Российской Арктике</i>	2 502
2	США	Аляска	710
3	Норвегия	Финмарк, Тромс, Нурланн, Шпицберген	466
4	Исландия		311
5	Швеция	Норботтен	260
6	Финляндия	Лапландия	184
7	Канада	Северо-Западные территории, Юкон, Нунавут, Нунавик	120
8	Дания	Гренландия	58
		<i>Итого в 7 приарктических странах (не включая РФ)</i>	2 109
		<i>Всего в циркумполярном мире</i>	4 611

Только в АЗРФ постоянно проживает больше людей, чем в арктических регионах семи других приарктических стран мира, вместе взятых. Эти индикаторы являются самым весомым аргументом в геополитических интригах и заявлениях о якобы пустом российском пространстве, которое срочно надо интернационализировать, осваивать путём захвата и присвоения чужих земель и богатств. Культура народов Арктики и Севера, как часть глобальной поликультуры, несомненно включает в себя культурные универсалии, которые присущи всем культурам независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества. Это не только материальные объекты, вещи, строения, орудия труда, предметы быта, одежда, украшения, но и паттерны — относительно устойчивые и повторяющиеся способы восприятия, чувствования, мышления, деятельности, поведения, включающие обычаи, обряды, ритуалы, символы, духовные ценности и нормы, идеи, веру, знания.

Особое место в этнической палитре культур нашей многонациональной страны занимают 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока⁶. По данным переписи населения 2010 года, порядка 258 тысяч человек проживают в экстремальных природно-климатических условиях, ведут традиционный, в том числе кочевой, образ жизни и традиционное хозяйствование⁷. Это всего лишь 10% от всего населения АЗРФ, более 80% которого является урбанизированным, проживает в городах и посёлках городского типа.

При исследовании этнической напряжённости в Российской Арктике приходится учитывать те *общеглобальные тренды*, которые определяют сегодня в целом международную этнокультурную ситуацию. Арктический этнокультурный ландшафт является неотъемлемой частью глобального ландшафта, включающего 10 000 культур и 6 900 языков⁸. При этом, во всех регионах мира в XXI веке *обостряются процессы исчезновения традиционных культур, языков и малых этносов*. Происходит их вымирание, забываются традиции, уязвимые культуры становятся маргинальными, а то и совсем исчезают. Во время открытия Международного года языков (2008) отмечалось: «Сейчас на каждом из 90% языков говорит менее 100 тысяч человек. 357 языков имеют не более 50 носителей. А существование ещё 46 язы-

⁶ Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями // ФЗ от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». С изменениями и дополнениями от: 21 марта 2002 г., 22 августа 2004 г., 2 февраля 2006 г., 28 декабря 2013 г. URL: <http://base.garant.ru/182356/> (дата обращения: 27.09.2015).

⁷ Заместитель руководителя ФАДН России Павел Семенов выступит с докладом на Арктическом совете. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2015/09/14/2390-zamestitel-rukovoditelya-fadn-rossii-pavel-semenov-vystupit-s-dokladom-na-arkticheskom-sovete> (дата обращения: 23.09.2015)

⁸ 3-я Всемирная климатическая конференция (WCC-3), Женева, 31 августа — 4 сентября 2009 года / Alexander Müller. URL: <http://agroobzor.ru/article/a-300.html> (дата обращения: 02.07.2015).

ков и вовсе под вопросом: на каждом из них говорит лишь один человек»⁹. В мире каждые две недели умирает один язык, а вместе с ним происходит исчезновение культуры, знаний, уникального мышления. Следы местных и автохтонных, так называемых «невидимых знаний», чаще всего устных и маргинальных, сохраняются только благодаря описаниям фольклористами, историками, этнологическими науками, психологией повседневной жизни. Но даже в такой форме традиционные «невидимые» знания остаются в основном узкопрактическими, сильно отличающимися от научных, технических знаний. В экономике, политике, управлении, праве, науке, образовании сегодня преимущественно используются понятные и доступные всем «явные» или кодифицированные, упорядоченные знания, использующие, в том числе, ИКТ, современную информационную инфраструктуру. В связи с этим ставятся вопросы о радикальном сокращении лингвистического разнообразия, которое якобы тормозит развитие и распространение образования, языков массовой коммуникации. Выход из этого тупика ЮНЕСКО видит в том, чтобы установить равновесие между языками. Например, путем установления *двойного образовательного курса* на родном языке и языке межнационального общения, дающем доступ к научным кодифицированным знаниям. Для этого необходимо развивать на местах технологии *перевода*, являющегося наилучшим посредником между культурно-лингвистическим разнообразием и универсальным характером знания¹⁰.

В Российской Арктике протекают культурные процессы, характерные для всего глобального социума, но без масштабных проявлений радикальных форм этнического протеста и экстремизма. Языки, а вместе с ними культуры, как и люди, их носители, приспособляются к новой реальности XXI столетия. Анализ переписей 2002, 2010 гг. показывает, например, что в XXI столетии продолжается естественный процесс умирания ненецкого языка на ментальном уровне. В 2010 году указали владение русским языком 94,4% российских ненцев, а ненецким только 45,28%. Часть ненцев, не владея ненецким языком, считает его всё же родным. Психологически на уровне менталитета это можно объяснить глубоким желанием сохранить свою культуру, свои родные корни. В какой-то степени это также внутреннее неприятие тренда на вытеснение из повседневного обихода своего родного языка, *духовный латентный протест*. При этом на смену уходящим приходит новое поколение молодых ненцев уже с иным менталитетом, потребляющее продукты массовой культуры, использующее современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Среди ненец-

⁹ Половина языков Земли исчезнет / Мишель Монтас, пресс-секретарь генсека ООН. URL: <http://www.vz.ru/society/2008/2/22/147099.html> (дата обращения: 25.12.2010).

¹⁰ К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 240 с. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 02.07.2015).

кого этноса, постоянно утрачивающего родной язык, ускоряются процессы урбанизации, ассимиляции, смены этнической идентификации у потомков смешанных браков. Русский язык в быту, коммуникациях, потреблении продуктов, массовой культуре фактически постепенно вытесняет родной язык не только у ненцев, но и других коренных малочисленных народов.

Однако пока остаются живы носители ненецкого языка, он всё же не канет в лету. По данным восьми переписей общее количество ненцев за 1926—2010 гг. возросло с 18 до 44 тысяч человек, или в 2,4 раза. Поэтому ни о каком вымирании ненецкого этноса, его депопуляции, естественно, речи не идёт. Более того, возможно даже увеличение численности ненцев свыше 50 тысяч человек к 2025—2030 гг. при наличии благоприятных возможностей для его жизнедеятельности, росте рождаемости и продолжительности жизни [4, с. 33—34]. Увеличилась численность коренных малочисленных народов (эвенков, юкагиров, долганов, чукчей) также в Республике Саха (Якутия) с 28,2 тысячи в 1989 году до 40,2 тысячи в 2010 году, но здесь же за 1989—2010 гг. сократилось число эвенов с 10,6 до 9,8 тысячи [5, с. 38].

Позитивный пример в проведении этнополитики показывает сегодня Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, где реализуются проекты «Языковое гнездо», «Этнопедагогический и национально-языковой компоненты в начальной школе обучения», проводятся муниципальный конкурс декоративно-прикладного творчества «Таймырская радуга», муниципальная олимпиада по родным языкам, осуществляются новые подходы к образовательному и воспитательному процессу детей-кочевников, развитию промыслов и декоративно-прикладном искусстве в образовательной среде. Осуществляется проект «Русская литература на языках таймырских этносов». В ходе конкурса выбирается литературное произведение, которое будет переведено затем на пять языков коренных малочисленных народов Таймыра¹¹. Подобная работа ведётся в других регионах, муниципальных образованиях и автономных округах Севера России.

Что касается науки, то следует отметить системный вклад в комплексное изучение этногенеза, трансформации традиционных культур и специфики менталитета, развития языков, этнической культуры и истории народов северо-востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН в г. Якутске, директор института — заслуженный деятель науки России, лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор А.Н. Алексеев. Многоцветной социально-этнической картине северных территорий посвящены статьи, опубликованные журналом «Арк-

¹¹ Гришко А.В. На Таймыре, в преддверии педагогической конференции, состоялось заседание круглого этноста-ла // Пресс-релиз Управления общественных связей Администрации Таймыра 11.09.2015.

тика и Север»: о взаимодействии региональной власти и коренных малочисленных народов Севера (И.С. Астахова), повседневной жизни национальных поселений Якутии в контексте социологических исследований (С.М. Баишева), штрихи к портрету жителя арктической зоны Якутии (У.С. Борисова), русские старожилы Якутии: культура и ландшафт (С.И. Боякова), традиционная хозяйственная деятельность — этносохраняющий образ жизни (В.И. Кирко, К.Н. Захарова), о государственной политике в области сохранения языков (Н.П. Копцева), изменения жизненных стратегий и экономического поведения молодёжи Арктики по материалам Усть-Янского района (О.В. Осипова), демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики (В.В. Фаузер) и другие¹².

Вполне очевидно, что *ключевыми направлениями проводимой российским государством этнополитики* в АЗРФ в языково-культурной сфере становятся обеспечение эффективного доступа коренных народов к использованию кодифицированных знаний, киберпространства, развитие многоязычия, двойных, а может и тройных, образовательных курсов на родном языке, языках межнационального и международного общения, перевода на языки коренных народов. Помимо благих пожеланий для этого необходимы не только политическая воля, но и соответствующие ресурсы, включая человеческие, инвестиции, эффективная реализация принимаемых государственных и региональных программ, ФЦП.

Арктический этнологический мониторинг

Запуск и проведение любого мониторинга требует, прежде всего, тщательной методологической, концептуально-теоретической подготовки. В связи с этим, заметим, что этническая напряжённость и конфликтность всегда социальны, их носителями являются люди и социальные общности. Социально-этническая напряжённость в российском обществе в настоящее время во многом является следствием воспроизводства *социальной аномии*, к росту которой приводит имущественное расслоение, угроза безработицы, социальная незащищённость, неуверенность в завтрашнем дне. Методологический анализ социальной аномии операционализируется в соответствующую методику и перечень показателей её воспроизводства, таких как: социально-психологическое самочувствие, идентичность социальная и национальная, социально-политическая активность и протестный потенциал, отношение к властным структурам, особенности правосознания, социально-экономическая ситуация, уровень самоубийств [6, с. 4, 19].

¹² Арктика и Север: архив номеров журнала на русском языке. URL: <http://narfu.ru/aan/> (дата обращения: 19.11.2015).

Конфликтное взаимодействие между социально-этническими общностями проявляется в социуме не только из-за различий культурных ценностей, но и несоответствия между ожидаемым качеством жизни и практическим удовлетворением всего спектра потребностей. В число основных факторов межэтнической напряжённости в настоящее время всё чаще включают неконтролируемую миграцию, изменение соотношения этнических групп и влияния в результате вновь создаваемых диаспор, социально-экономическую депрессию, приводящую к «поиску виновных» и ксенофобии, проблеме титульных этносов, этнический национализм (не только русский, но и национализм этнических меньшинств), этнизацию бытовых и социальных конфликтов, распространение радикального ислама, в том числе связанного в 2014—2015 гг. с группировкой ИГИЛ и вербовкой его сторонников в России.

Очень важно раннее выявление латентной межнациональной напряжённости и возникновения на этой почве стихийного протеста, анализ контента записей в социальных сетях,

как маркера настроений в том или ином региональном социуме. При этом необходимо учитывать, что напряжённость, несогласие, соперничество, спор являются только началом конфликтной ситуации, но вполне могут в своей динамике привести к враждебности, агрессии,

насилию и войне на пике конфликтного противоборства (Рис.2. Шкалы уровня напряжённости к конфликте). Точно также предконфликтная ситуация трансформируется в острейшее информационное и энергетическое противоборство на второй стадии конфликта.

В исследовании этнической напряжённости ключевое значение имеет «этническая идентичность» или «этничность»¹³. Ещё С. Хантингтон (1927—2008) отмечал, что культурные идентичности — этнические, национальные, религиозные, цивилизационные, — занимают главное место в современном мире, определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта. «Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культур-

¹³ Концепт идентичности (от лат. *Identificare, identicus*) обозначает отождествление, точное соответствие, полное совпадение. Разнообразие субъектности предполагает ответ на вопрос: «Кто я?» «Кто мы такие?» и позволяет выделять в структуре идентичности два уровня: личный и социальный. Типы социальной идентичности обусловлены её многоуровневостью: этнической, региональной, национальной, цивилизационной, психологической, культурной.

ными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями», — писал он в работе «Столкновение цивилизаций» [7, с. 6], прогнозируя усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов, рост числа беженцев до десятков миллионов, расползание терроризма, повсеместной резни и этнических чисток, распад государств. В современном мире действительно «обостряется борьба за национальную и религиозную идентичность и самоопределение, за передел границ по национальному и религиозному принципу. Растет число конфликтов под этническими и религиозными лозунгами» [8].

Новая российской идентичность, как отмечает профессор Л. М. Дробижева, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, — это *сложный конгломерат* ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Свыше 90% идентифицируют себя гражданами России [9, с. 269]. Вместе с тем, по результатам проведённых социологических исследований в разных регионах РФ в той или иной степени фиксировалось распространение ксенофобии — страхов по отношению к другим, а также радикальных антиэмигрантских настроений, национализма. Общая тенденция межэтнического противостояния в современной Якутии, например, очевидна — это противостояние мигрантов и «местного» населения, независимо от его расовой и национальной принадлежности¹⁴.

На общем глобальном кризисном фоне перманентных изменений ситуация в Арктике чаще всего оценивается сегодня как устойчиво стабильная. Понятие «*стабильности*» при этом воспринимается в общественном мнении как оттенок некоего застоя, консервации имеющих социально-этнических и международных отношений, хотя это не будет отражать в полной мере весь контент данной дефиниции. *Под этнической стабильностью*, по моему мнению, правильнее понимать устойчивое социально-экономическое и культурное развитие, имеющее поступательный характер и не исключающее перманентное обновление в противовес неизменности застывшего (замороженного) традиционного этнокультурного пространства. Насколько велик запас стабильности в Арктике — готовых научно обоснованных ответов на этот вопрос пока нет, хотя прогнозных оценок и публикаций на эти темы вполне достаточно, в том числе данных проводимых мониторингов.

Проведённый Центром изучения национальных конфликтов¹⁵ мониторинг этнокон-

¹⁴ Есть ли в Якутии межэтническое противостояние? URL: <http://www.1sn.ru/67218.html> (дата обращения: 20.03.2015).

¹⁵ ЦИНК основан в 2013 году. Главным исследовательским проектом является Рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России «Гроздь гнева».

фессиональной ситуации в субъектах РФ показал, что в общей сложности с 1 сентября 2013 г. по 20 марта 2014 г. в России произошло 570 этнически мотивированных конфликтных действий различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами)¹⁶. Весной-осенью 2014 года было зафиксировано снижение количества проявлений межнациональной вражды на 35 %¹⁷.

Рисунок 3. URL: <http://cdn5.files.rzn.info/data/image/gallery/base/8/8b/8b184a8935345/original.jpg>

Что касается проблем северных территорий, то ещё в первом докладе отмечалось, что большинство насильственных конфликтных действий в Ханты-Мансийском автономном округе было направлено против выходцев с Кавказа (дагестанцев, чеченцев) и трудовых мигрантов из стран Средней Азии (киргизов, таджиков). Во втором выпуске (весна-осень 2014) подчеркивалось, что ситуация в ХМАО продолжает ухудшаться, неконтролируемая миграция, экспансия радикального ислама и экономическая конкуренция создают мощный конфликтный потенциал. На интерактивной карте как первого, так и второго исследований практически все регионы Арктики и Севера России были окрашены в цвета с низкой и очень низкой напряжённостью и не входили в активную зону рисков с высокой и средней напряжённостью. В Архангельской, Мурманской и Тюменской областях, Республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), в Ямало-Не-

¹⁶ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения: 17.10.2015)

¹⁷ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряжённости в регионах России. Весна — осень 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/files/public/rating/thegrapesofwrath02.pdf> (дата обращения: 17.10.2015)

нецком округе весной-осенью 2014 года фиксировались преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные насильственные действия; неоднократные конфликтные действия в Интернете. В Ненецком и Чукотском автономных округах, Магаданской области, Пермском крае отсутствовали или редки были ненасильственные действия. Замечу, что в указанных двух докладах речь ведётся в основном всё же не о самих конфликтах, а всего лишь о возникновении конфликтных ситуаций, которые могут перерасти, а могут и не трансформироваться в острое конфликтное противоборство в регионах АЗРФ.

Необходимо иметь в виду, что в России опыт проведения этнологического мониторинга на протяжении длительного периода и высоком научном уровне был апробирован ранее. В 1993 году была запущена работа Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов неправительственной экспертной организации (EAWARN). Сеть издала 19 фундаментальных докладов об этнополитической ситуации в России и сопредельных государствах, несколько сотен специальных бюллетеней, серию тематических докладов и книг. В 1996—2001 гг. выходило серийное издание «Модели этнологического мониторинга». Руководил сетью известный учёный, академик В.А. Тишков, бывший директор Института этнологии и антропологии РАН, с июля 2015 года — научный руководитель ИЭА РАН. В настоящее время в институте действует Центр этнополитических исследований. Накопленный опыт EAWARN несомненно очень значим при проведении подобного рода работы.

С июля 2014 года в России создаётся единая система мониторинга межнациональных отношений, предупреждения возможных конфликтов на этнической почве¹⁸. В число пилотных регионов для апробирования такой системы вошли 17 субъектов РФ (их состав затем уточнялся). Из северных территорий в проект был включен Ханты–Мансийский автономный округ. Администрация сельского поселения Алябьевский ХМАО осуществляла, например, мониторинг по 8-ми направлениям:

1. Деятельность религиозных организаций на территории сельского поселения.
2. Деятельность некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку.
3. Влияние миграционных процессов, в том числе состояние преступности с участием иностранных граждан.
4. Публичные мероприятия: митинги, демонстрации, шествия, пикетирования.
5. Обращения в органы местного самоуправления (ОМС) физических и юридических лиц.
6. Деятельность неформальных молодёжных объединений на территории сельского поселения.
7. Печатные средства массовой информации на территории сельского поселения.
8. Оперативное реагирование на проявления экстремизма: результаты рассмотрения правоохранительными органами информационных материалов, направленных ОМС по выявленным про-

¹⁸ Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям 3 июля 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46144> (дата обращения: 31.07.2015)

явлениям с признаками экстремизма; профилактические мероприятия, проводимые ОМС в целях предупреждения проявлений экстремизма, в том числе информационно-пропагандистское сопровождение деятельности по профилактике экстремизма, наличие и издание муниципальных правовых актов и планов мероприятий, направленных на профилактику экстремистских проявлений на религиозной почве, деятельность совещательных органов по противодействию экстремистской деятельности, межнациональным вопросам¹⁹.

При этом число индикаторов по указанным восьми направлениям просто зашкаливало и приближалось к 80-ти. Явный избыток собираемых сведений, да ещё на уровне самых низовых муниципальных поселений, при отсутствии профессионально подготовленных для этого кадров (хотя бы прошедших минимальное повышение квалификации), обостряет проблемы верификации, валидности, надёжности получаемой информации и успешно способствует бюрократизации всего процесса мониторинга, начиная с поселений. Насколько достоверной будет корреляция с данными соответствующих ведомственных учреждений — остаётся под вопросом. Дублирование источников информации всегда требует тщательного сравнительного анализа. Безусловно, пилотные проекты как раз и нацеливаются на проведение эксперимента и апробацию используемых методик, но эффективность в целом всего проекта мониторинга пока вызывает сомнения.

Перед вновь созданным Федеральным агентством по делам национальностей поставлена задача «пытаться просчитывать возможные риски, аккумулировать предложения, создавать программы, предлагать решения тех или иных проблем и, соответственно, для выполнения этих задач реализовывать те или иные проекты»²⁰. Система мониторинга будет опираться на данные Росстата, ФСБ, ФСО, МВД, Росфинмониторинга, IT-программы. Получение достоверных данных во многом будет зависеть от состыковки программного обеспечения, социологии и экспертных оценок, а также от компетенций персонала на всех уровнях получения и обработки информации.

Нужно подчеркнуть, что процессы оценки и регулирования этнических конфликтов в регионах тесно связаны и взаимозависимы от их *моделирования, мониторинга и менеджмента*. Важно понять, что отдельные замеры в Арктике и на Севере России не дают необходимого результата в изучения всех совокупностей напряжений и конфликтности. Мониторингу присуще моделирование инструментария эмпирического исследования региональных кон-

¹⁹ Постановление администрации сельского поселения Алябьевского района Ханты-Мансийского автономного округа – ЮГРЫ от 20 мая 2014 г. № 98 “Об организации системы мониторинга по профилактике межнациональных (межэтнических), межконфессиональных конфликтов на территории сельского поселения Алябьевский”. URL: <http://alabievo.ru/documents/552.html> (дата обращения: 01.08.2015).

²⁰ Стенограмма встречи Дмитрия Медведева с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Баринным 29 июля 2015 года. URL: <http://government.ru/news/19081/> (дата обращения: 03.08.2015).

фликтов на основе концептуальных данных, а менеджменту — «моделирование (программирование) системы эффективных практических мер по их урегулированию в соответствии с полученными конкретными эмпирическими данными» [10, с. 15—16]. Поэтому арктический этнологический мониторинг в целом нужен не только для фиксации возникающих «гроздьев гнева» на местах, а для принятия обоснованных решений по предупреждению конфликтов и их разрешению. По его результатам локализуется фактическая напряжённость в межэтнических отношениях, анализируются возникающие конфликтные ситуации (определяется предмет конфликта, как минимум две его стороны и другие участники) и прогнозируется возможность трансформации конфликтной ситуации в энергетическое и информационное противостояние в ходе второй фазы конфликта, его завершение на третьей фазе.

Хочу также подчеркнуть, что практическое применение тех или иных индикаторов в процессе арктического этнологического мониторинга отнюдь не отменяет проведение научных исследований и формирование баз данных по нескольким предметным разделам. Тематика такого рода информационных баз сгруппирована мною в 7-мь блоков.

1. Демографический состав, численность, рождаемость, смертность, социально-этническая структура населения по данным переписей и опросов, анализ возникающих проблем гражданской и этнокультурной идентичности.
2. Культурно-языковая ситуация, динамика жизни языков коренных народов Севера, проблемы лингвистического разнообразия, образования, перевода.
3. Распространение религиозных конфессий христианства (православие, протестантизм, католицизм), ислама, сектантства, традиционных верований народов (культ предков, анимизм, фетишизм, магия, шаманизм) и анализ возникающих конфликтных ситуаций в XXI веке. Ценностные ориентации, менталитет коренных народов Севера.
4. Качество жизни, состояние здоровья, социальная сплочённость населения. Индексы человеческого развития (ИЧР), креативности, счастья, толерантности в субъектах и муниципальных образованиях АЗРФ, Крайнего Севера. Инвестиции в накопление и развитие человеческого капитала северных территорий России.
5. Существующие проблемы территорий традиционного природопользования КМНС, жизнеспособности промыслов (оленьеводство, рыбный, охотничий, морской, собирательство), кочевых родовых общин, обеспечения занятости, создания новых рабочих мест (выделение квот) в ведущих отраслях экономики для коренных народов Севера.
6. Межэтнические проблемы внутренней и внешней миграции, мобильности населения, ксенофобии в субъектах и муниципальных образованиях Арктики и Севера по результатам мониторинга (здесь важно использовать динамику конфликтных ситуаций, горячих этнических точек).
7. Политические, правовые отношения федеральных, региональных и муниципальных органов власти и управления, бизнеса и местного населения, в том числе по проблемам освоения природных ресурсов, экологии, развития социальной и транспортной инфраструктуры, территорий традиционного природопользования.

Очевидно, что данный мною перечень можно дополнить, изменить. К сожалению, при анализе ситуации в АЗРФ возникают трудности доступа к соответствующим базам региональных ор-

ганов полиции и служб безопасности, к криминальной статистике, информации о социально-этническом протесте. Однако практически управлять конфликтным взаимодействием во всех сферах жизнедеятельности северных социумов необходимо уже сегодня, здесь и сейчас, на что нацеливается общероссийская система мониторинга межнациональных отношений, если её не забюрократизируют на всех уровнях федерального, регионального и муниципального управления.

Управление конфликтным взаимодействием в АЗРФ

Моя авторская позиция заключается в признании универсальности методов управления социально-этническими конфликтами в человеческих сообществах и организациях. Однако, универсальность не отрицает, а наоборот — требует учёта социально-этнических особенностей Российской Арктики и складывающейся на местах реальной ситуации. На возникновение горячих этнических точек в северных регионах способны оказывать воздействие как перезревшие, нерешаемые длительное время проблемы внутреннего социально-экономического развития, так и внешние акторы, использующие мягкую силу. Предупреждение (профилактика) социально-этнических конфликтов в Российской Арктике стратегически заключается в создании благоприятных условий для жизнедеятельности всего населения на северах здесь и сейчас.

Касаясь проблемных вопросов, нужно отметить, что в РФ до сих пор не завершено даже зонирование Российской Арктики и Севера России, легитимное закрепление границ их территорий и акваторий. Бесконечное обсуждение новой сетки районирования Крайнего Севера России, соответствующих критериев, индикаторов, преференций, льгот увязло в бюрократической машине российской государственности. Разрабатываемые арктические стратегии, программы социально-экономического развития во многом имеют декларативный характер, не подкреплены финансовыми и другими ресурсами. Не случайно поэтому готовится новая редакция государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие АЗРФ до 2020 года»²¹. Экспертным советом по Арктике и Антарктике при Совете Федерации ФС РФ (председатель Экспертного совета — В.А. Штыров) в 2015 году обсуждалась концепция проекта федерального закона «Об особых условиях социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Однако вариант проекта ФЗ от 17 ноября 2015 года уже назван «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», что опять же свидетельствует о дефиците инвестиций, других ресурсов для решения социально-экономических проблем Россий-

²¹ На заседании президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики 5 октября 2015 года даны, например, поручения федеральным министерствам о включении в новую редакцию госпрограммы РФ «Социально-экономическое развитие АЗРФ до 2020 года» ряда необходимых мероприятий.

ской Арктики. Нет никакого смысла включать в федеральный закон заведомо невыполнимые социальные обязательства, льготы населению, КМНС, а также преференции для бизнеса, субъектов РФ и муниципальных образований АЗРФ.

Однако насущная потребность в модернизации российского законодательства в отношении коренных народов Арктики и Севера России остаётся актуальной. Конструктивное разрешение социально-этнических конфликтов априори базируется на применении законов (по закону, а не по понятиям), использовании нормативных механизмов и институтов (суды, прокуратура и др.), неформальных процедур: арбитража, переговоров, посредничества. Всё это может дать результат только в том случае, если на местах отработана правоприменительная практика, эффективность которой, к сожалению, в регионах России пока ещё оставляет желать много лучшего.

Постоянную напряжённость в отношениях с властью вызывает отстаивание прав коренного населения на ресурсы проживания своих территорий. Положения действующего федерального закона РФ о территориях традиционного природопользования КМНС не являются нормами прямого действия и практически не реализуются. Фактически вообще подорвана материальная основа существования коренного населения Севера, Арктики — разрушены традиционные отрасли хозяйствования (оленоводство, рыбные, охотничьи, морские промыслы), а для работы в приоритетные отрасли экономики коренные народы практически не привлекаются, — констатируют А.А. Пахомов и Т.С. Мостахова [5, с. 39—41].

Речь конкретно идёт о правах безвозмездного пользования землёю и водными объектами в местах традиционного проживания, сохранении и развитии родного языка, традиций и культуры, об упрощенном порядке доступа к пользованию водными биоресурсами, особом режиме лесопользования, господдержке общин коренных малочисленных народов. На заседании президиума Госкомиссии по вопросам развития Арктики 5 октября 2015 года даны поручения проработать вопрос о внесении изменений в законодательство РФ о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов в части заключения договоров о предоставлении рыбопромысловых участков без проведения конкурсов лицам, относящимся к коренным малочисленным народам и их общинам для осуществления рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Решаются и другие проблемные вопросы.

При этом некоторые региональные инициативы вызывают недоумение. Так, один из губернаторов вдруг предложил переименовать перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: «В моём представлении этот документ необходимо пе-

реименовать в перечень коренных малочисленных народов Арктики, Сибири и Дальнего Востока»²². Однако давно известно, что Север России реально включает высокие арктические широты (Арктика — часть Севера, понятие Севера шире концепта Арктики). В Арктике просто не существует коренных малочисленных народов, которые не входили бы легитимно по своему статусу в перечень КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Следует заметить, что также постоянно будируются, используются в качестве инструментов мягкой силы проблемы политизации северной этничности, в частности, например, включения русских поморов в перечень КМНС на Европейском Севере России²³. Преференции для КМНС сегодня объективно создают напряжённость в отношениях с другими коренными народами, со старожильческим населением, включая русских поморов, как будто эти люди не северяне и живут совершенно в других природно-климатических условиях, а не тут же рядом, в муниципальных поселениях, занимаясь одними и теми же промыслами несколько столетий, чтобы элементарно выживать. Однако здесь ничего не меняется уже длительное время.

Считаю, что политику патернализма КМНС, в том числе на законодательном уровне, безусловно нужно продолжать с учётом того, что группа небольших по численности северных этносов наиболее уязвима и требует больше внимания со стороны государства и общества. Понимая это, участники парламентских слушаний, которые провёл комитет Госдумы по делам национальностей 23 апреля 2015 года, обсудили проект ФЗ № 42057-6 «О внесении изменений в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и отдельные законодательные акты РФ в части дополнения и уточнения понятийного аппарата, определения порядка отнесения граждан к коренным малочисленным народам РФ. Требуют утверждения методики возмещения убытков, причиненных в результате нанесения ущерба исконной среде обитания КМН. Обсуждалась также концепция ФЗ «Об оценке воздействия на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных малочисленных народов РФ»²⁴.

Вместе с тем, вполне очевидно, что ключевой проблемой сегодня всё больше становится поиск баланса между патернализмом государства по сохранению традиционных куль-

²² Особый статус Севера. 5 октября 2015. URL: <http://www.orlov29.ru/gubernator/news/1240.html> (дата обращения: 03.11.2015)

²³ Дискуссию о русских поморах оставляю за рамками данной статьи, учитывая, что Издательским домом имени В.Н. Булатова опубликовано второе издание монографии «Новая Архангельская летопись», в которой поморам посвящён целый раздел: «Поморведение: о Поморье и поморах» // Новая Архангельская летопись: монография. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: САФУ, 2015. С. 50—90.

²⁴ Парламентские слушания на тему: «Законодательное обеспечение жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». 23.04.2015. URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru/site.xp/052051124049050053054.html> (дата обращения: 10.09.2015)

тур, хозяйствования, промыслов КМНС, с одной стороны, и использованием современных технологий, объёмом инвестиций в накопление человеческого капитала северян, с другой. Решение проблем качества жизни, социальной активности и мобильности населения практически невозможно без увеличения инвестиций, обеспечивающих *накопление человеческого капитала северных социумов* — вложений в образование, здоровье, отдых, жильё, развитие креативности, повышение квалификации и получение молодежью новых профессиональных компетенций. Конкретно речь идёт об обеспечении на местах социальной сплочённости, занятости, фактическом создании новых рабочих мест (выделение реальных квот) в ведущих отраслях современной экономики для всего населения Севера, включая КМНС, развитию самоуправления. Продуманное бюджетное инвестирование государства в квотирование новых рабочих мест для коренных народов Севера (больших и малых по численности), старожильческого населения должно сочетаться с целым комплексом решаемых задач: применением современных технологий; развитием государственно-частного партнерства; поддержкой малого и среднего бизнеса, самоуправляемых общин нового типа; с регулируемой мобильностью трудовых ресурсов и созданием для этого необходимых условий; с эффективным регулированием нарастающей внешней и внутренней миграции.

Важно отметить, что в регионах АЗРФ уже накапливается проверенный практикой опыт соблюдения баланса между патернализмом и внедрением новейших технологий XXI века. Губернатор Ненецкого автономного округа Н. Кошин, например, считает, что: «Успех устойчивого развития коренного населения Арктики — в балансе между сохранением традиций и внедрением современных технологий». К примеру, наш проект кочевых школ предусматривает использование электронных учебников, а классы по изучению ненецкого в школах округа оснащены мультимедийным оборудованием... Как бы странно это ни звучало, прогресс помогает нам сохранять культуру коренных народов, а поднятию престижа профессии оленевода способствует целевая экономическая поддержка от государства. Сегодня мы субсидируем не все издержки, а часть затрат в зависимости от объёма произведённой и реализованной продукции. Тогда получаем результат!»²⁵.

Между тем заметим, что в Арктике и на Севере России пока не получили широкого распространения технологии шестого технологического уклада, **зелёная экономика** (Green economics, Ecological economics). Переход от традиционной модели экономического роста к «зелёной экономике» — это общемировой тренд с опорой на ресурсосберегающие и экологи-

²⁵ В Архангельске в рамках Арктического совета проходит конференция, посвященная устойчивому развитию региона и его коренного населения. URL: <http://adm-nao.ru/press/governor/7548/> (дата обращения: 17.09.2015)

чески безвредные производства, повышение благосостояния людей и снижение рисков для окружающей среды, — подчёркивает доктор экономических наук С.А. Липина [11, с. 54]. Ключевой проблемой развития зелёной экономики в Арктике становится переход на новые технологии переработки отходов, создание безотходных производств. «Если традиционная экономика совмещает труд, технологии и ресурсы, чтобы производить товары конечного пользования и отходы, то зелёная экономика должна возвращать отходы обратно в производственный цикл, нанося минимальный вред природе», — считает известный экономист Павана Сухдев²⁶. Не вдаваясь детально во все аспекты понимания зелёной экономики, отмечу несколько актуальных позиций, имеющих, по моему мнению, значение для снижения конфликтности в исследуемых регионах Арктики и Севера РФ.

1. Прежде всего, важно понять и принять, что концептуально «зелёная» экономика очень близка традиционной культуре северян, их мировосприятию, ценностям и может сыграть в перспективе огромную роль в социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
2. *Во-вторых*, применение в Арктике и на Севере России современных технологий генерации энергии (например, проект Мезенской приливной гидроэлектростанции), энергоэффективности в строительстве и на транспорте, бережного отношения к потреблению воды и выходу на рынок с этим новым товаром, утилизации отходов, — всё это открывает уникальное *окно возможностей* для того, чтобы занять лидирующие позиции в развитии зелёной экономики и снять отчасти существующее конфликтное напряжение.
3. *В-третьих*, в Российской Арктике уже несколько лет ведётся масштабная очистка загрязнённых островных и прибрежных территорий, удаления и вывоза накопленных ранее отходов. К этой работе активно подключились регионы, федеральные министерства и ведомства, в том числе Министерство обороны РФ. Задача сегодня заключается в том, чтобы не допустить в будущем конфликтных ситуаций, связанных с появлением новых загрязняющих производств, особо обращая внимание на развитие ЖКХ, урбанистической инфраструктуры Мурманска, Воркуты, Норильска, Северодвинска, Тикси, других городов и посёлков, где проживает 80% всего населения АЗРФ, на жизнедеятельность постоянных и вахтовых поселений на островах в акватории СЛО.
4. *В-четвёртых*, основная проблема постоянной конфликтности, на мой взгляд, во многом заключается в экономической цене вопроса, масштабах затрат и сроках окупаемости экологических проектов при переходе к зелёной экономике на северах, в том числе при эксплуатации Северного морского пути. Где взять необходимые ресурсы, найти источники финансирования для продвижения зелёной экономики в АЗРФ — этот вопрос остаётся открытым.
5. *В-пятых*, дискуссионным и противоречивым всегда был и остаётся вопрос о тотальном запрете хозяйственной деятельности в крайне уязвимом с позиций экологии арктическом регионе. Имеет смысл ввести временные ограничения в РФ на добычу углеводородов на глубоководном континентальном шельфе в северных морях, а частному бизнесу, госкомпаниям предложить сосредоточиться на прибрежных мелководных акваториях, на применении технологий добычи нефти с максимально возможным извлечением запасов из скважин на суше, использованием (а не сжиганием) попутного газа, поиске других резервов. Правительству РФ давно пора дать поручения о разработке или коррекции специальных экологических стандартов для Российской Арктики с учё-

²⁶ Зелёная экономика. URL: <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic> (дата обращения: 24.10.2015)

том мирового опыта, достижений современной науки и права.

Убеждён, что эти и другие меры позитивно повлияют на снижение уровня конфликтности. Очень часто мы ещё не осознаём в полной мере, что ландшафт Российской Арктики — это настоящее национальное богатство нашей страны, качество которого во многом определяет устойчивость биосферных процессов, развитие экономики, здоровье населения Европы и Азии. В новостях об Арктике в СМИ часто приводят оптимистические оценки потенциально возможных, ещё даже неразведанных бурением, запасов нефти и газа. И нередко забывают о том, что Арктика — это не только источник минерального и углеводородного сырья, но и возобновляемых природных ресурсов, крупные резервы пресной воды и чистый, прохладный воздух (кислород, поглощение углекислоты), мировая «кухня погоды».

Заключение

Таким образом, даже краткий анализ основных концептов и современной ситуации межэтнических отношений позволяет сделать вывод, что накопленная палитра знаний *методологически расширяет тезаурус* этнокультурного ландшафта Арктики и не только определяет целеполагание и содержание всех последующих исследований, но и задаёт достаточно высокую теоретическую планку в их дальнейшем проведении. Появляется возможность использования уже накопленного смыслового богатства в практике государственного и муниципального управления.

Осуществляя мониторинг этнической напряжённости в Российской Арктике, необходимо внимательно анализировать контент и меры профилактики возникающих конфликтных ситуаций, оценивая угрозы их трансформации в длительное конфликтное противостояние. Практическое применение тех или иных индикаторов в процессе арктического этнологического мониторинга и управления отнюдь не отменяет проведение междисциплинарных научных исследований, формирование баз данных и приращение научных знаний.

Хочу подчеркнуть, что консервация прежнего образа жизни КМНС и патернализм в XXI веке практически не приносят ожидаемого эффекта. Поэтому очень важно соблюдать баланс между «умным патернализмом» государства по сохранению традиционных культур, хозяйствования, промыслов, с одной стороны, и внедрением современных технологий, ростом инвестиций в накопление человеческого капитала в Арктике и на Севере России, с другой. Безусловно нужно продолжать работу на законодательном уровне по защите прав КМНС. Однако ключевой проблемой становится обеспечение на местах социальной сплочённости, занятости, мобильности населения, создание новых рабочих мест (выделение квот) в ведущих отраслях современной экономики для северян в сочетании с ростом инвестиций в накопление

человеческого капитала (образование, здоровье, отдых, жильё), развитие креативности, повышение квалификации и компетенций населения, в первую очередь молодёжи. Назрела потребность в переходе к зелёной экономике, которая очень близка традиционной культуре коренного населения Севера, мировосприятию КМНС.

Очевидно, что для реализации поставленных временем задач на северах требуются значительные объёмы инвестиций, что вряд ли реально сегодня в условиях переживаемого кризиса и проводимого стратегического курса «на восток».

Социальная ответственность российского государства и бизнеса, господство закона, минимизация коррупции (негативные примеры губернаторов Республики Коми, Сахалинской области, видимо, только верхушка подобного айсберга) создают ключевые условия для профилактики конфликтных ситуаций не только во всём российском обществе, но и в межэтнических отношениях в Арктике и на Севере России.

Кроме названных в статье, имеется множество других технологий управления этнической напряжённостью, позитивный практический опыт, апробированные практики управления в субъектах и муниципальных образованиях АЗРФ, в других приарктических государствах. Лучшие практики управления этнической напряжённостью и конфликтами несомненно нуждаются в анализе, обобщении и внедрении в управленческую деятельность государства на всех уровнях власти, включая федеральные ведомственные структуры, субъекты РФ и муниципальные образования на Севере России.

Естественно, что обеспечение стабильности внутреннего этнического пространства АЗРФ требует продолжения проводимых научных исследований и их успешной апробации в государственной этнополитике и практике управления на местах.

Литература

1. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Паблишерз, 2009. 419 с.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности: Дис. ...д-ра психол. наук 19.00.05. Москва, 2001. 431 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/psikhologiya-mezhetnicheskikh-otnoshenii-v-situatsii-sotsial-noi-nestabilnosti> (дата обращения: 03.07.2015).
3. Сударенков В.В. Ландшафты Арктики и их правовая охрана / Тезисы к докладу на пленарном заседании II Международного арктического правового форума «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты». СПб, 3—14 ноября 2014 года.
4. Лукин Ю.Ф. Являются ли ненцы вымирающим этносом // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 32—50. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/6f3/04.pdf> (дата обращения: 01.09. 2015).
5. Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Арктические территории: проблемы развития и освоения (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика Востока России. 2014. № 2. С. 33—42.

6. Малинина К.О. Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели / Автореф. дис. ...канд. социолог. наук. М., 2015. 25 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003.
8. Безруков А., Сушенцов А. Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. М.: Эксмо, 2015. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/96/45/09964525.a4.pdf> (дата обращения: 06.09.2015)
9. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
10. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Выпуск 20. Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент/ главный редактор Е.И. Степанов. М.: Едиториал УРСС, 2003. 464 с.
11. Липина С.А. «Зелёная» экономика — путь развития государств в XXI веке // Арктические ведомости. 2015. № 3 (14). С. 54—59.

References

1. Deming E. Vyhod iz krizisa: Novaya paradigma upravleniya lyudmi, sistemami i processami. М.: Alpina Pablisherz, 2009. 419 s.
2. Soldatova G. U. Psihologiya mezhetnicheskikh otnoshenij v situacii socialnoj nestabilnosti: Dis. ...d-ra psiol. Nauk 19.00.05. Moskva, 2001. 431 s. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-mezhetnicheskikh-otnoshenii-v-situatsii-sotsial-noi-nestabilnosti> (Accessed: 03.07.2015).
3. Sudarenkov V.V. Landshafty Arktiki i ih pravovaya ohrana / Tezisy k dokladu na plenarnom zasedanii II Mezhdunarodnogo arkticheskogo pravovogo foruma «Soxranenie i ustojchivoe razvitie Arktiki: pravovye aspekty». SPb, 3—14 noyabrya 2014 goda.
4. Lukin Yu. F. Yavlyayutsya li nency vymirayushhim etnosom // Arktika i Sever. 2013. № 12. S. 32—50. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/6f3/04.pdf> (Accessed: 01.09. 2015).
5. Pahomov A.A., Mostaxova T.S. Arkticheskie territorii: problemy razvitiya i osvoeniya (na primere Respubliki Saxa (Yakutiya)) // Ekonomika Vostoka Rossii. 2014. № 2. S. 33—42.
6. Malinina K.O. Socialnaya anomiya v sovremennom rossijskom obshhestve: prichiny, proyavleniya, pokazateli / Avtoref. dis. ...kand. sociolog. nauk. М., 2015. 25 s.
7. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. М.: Izdatel'stvo AST, 2003.
8. Bezrukov A., Sushencov A. Rossiya i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushhego. М.: Eksmo, 2015. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/96/45/09964525.a4.pdf> (Accessed: 06.09.2015)
9. Drobizheva L.M. Etnichnost v socialno-politicheskom prostranstve Rossijskoj Federacii. Opyt 20 let. М.: Novyj khronograf, 2013. 336 s.
10. Socialnye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tehnologii razresheniya. Vypusk 20. Regionalnye konflikty: modelirovanie, monitoring, menedzhment / glavnyj redaktor E.I. Stepanov. М.: Editorial URSS, 2003. 464 s.
11. Lipina S.A. «Zelyonaya» ekonomika — put razvitiya gosudarstv v XXI veke // Arkticheskie vedomosti. 2015. № 3 (14). S. 54—59.

Рецензенты: Jukka Nyysönen, Doctor Artium, post-doctoral, the Arctic University of Norway
Ульяновский Виктор Иванович,
доктор социологических наук, профессор